

нованы на одном и том же принципе организации формы, но различаются способами сопряжения интонационного материала.

Музыкальные тексты, выявленные в рукописях середины XVI — начала XVII века, при сопоставлении с текстами первого образцового свода обнаруживают разную степень устойчивости:

1. идеальную сохранность текста, созданного в 80-х годах XVI века (в стихирах на «Слава...»), что позволяет воссоздать роспевы с достаточно высокой точностью, ориентируясь на поздние списки, нотация которых имеет киноварные пометы, оформительный словарь, композиция, форма идентичны старшему списку;

2. устойчивость попевочного словаря, зафиксированного в старшем списке (в стихирах на стиховне) при изменении способов сопряжения попевок, что влечет за собой иной тип музыкальной организации;

3. движение музыкального текста-архетипа, представленного старшим списком (величание), завершённое в середине XVII века созданием двух устойчивых роспевов (знаменного и путного), зафиксированных знаменной нотацией;

4. новые, уникальные роспевы, представленные единичными списками (две стихиры на стиховне) в рукописи, созданной писцом Варфоломеем, и славники из рукописи Елисея Вологжанина.

1. Славницкий М. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII-XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. Май-август. Ф. 197-238; Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси: древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 206-238.
2. Металлов В.М. Русская семиография. СПб., 1912. Табл. 62.
3. Рамазанова Н.В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI-XVII веков. СПб., 2004. С. 125-150, 358-371, 382-392.
4. Серегина Н.С. Песнопения русским святым: по материалам певческой книги XI-XIX веков «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 71. Рамазанова Н.В. Московское царство... С. 382-392.
5. Рамазанова Н.В. Московское царство... С. 126.
6. РНБ, Кир.-Бел. 652/909, 1558 г. «Сия книга стихарал... а писал сию книгу грешный инок Елисей, родом вологжанин». Кир.-Бел. 669/926, 60 гг. XVI в. «Стихораль старца Ефрема Вольнского». Кир.-Бел. 623/880 70-е г. XVI в. «Книжица певчая путная Варфоломеева». Кир.-Бел. 665/922 1604 г. Рукопись инока Христофора. Кир.-Бел. 621/878 30-40 гг. XVII в. «Священноинка Данила Дубровского, постриженика Кирилова монастыря». Солов. 690/769 начало XVII в. «Стихорал знаменной Соловецкого монастыря казенной старца Измаила Костромы дачи» и т.д.
7. СПбГК, №9; РНБ, Кир.-Бел. 652/909, Кир.-Бел. 669/926, Кир.-Бел. 619/876.
8. РНБ, Кир.-Бел. 652/909, л. 682 об. - 683 об.
9. РНБ, Кир.-Бел. 623/880, л. 234.
10. РНБ, Кир.-Бел. 665/922, л. 347 об. - 349.
11. РНБ, Солов. 690/769, л. 280.

Смыковская И.И.

СОСТАВ ПЕСНОПЕНИЙ УТРЕНИ ВЕЛИКОГО ПЯТКА ПО БЕЛОРУССКИМ ИРМОЛОГИОНАМ конца XVI – XVIII веков

Белорусские рукописные Ирмологионы конца XVI – XVIII веков – это ценнейшие памятники, хранящие древние роспевы и традиции церковного певческого искусства средневековой Беларуси. Этот тип богослужбной певческой книги сформировался во второй половине XVI века на территории белорусских и украинских православных епархий Киевской митрополии и явился результатом духовного творчества народов, культура которых развивалась в условиях полиэтнического и поликонфессионального государства – Речи Посполитой. Православная церковная обрядность существовала здесь вместе с римо-католической, а после Брестской унии 1596 года пополнилась самобытным образцом богослужбного обряда, созданным греко-католиками. Взаимодействие и взаимовлияние культур Востока и Запада – православного и католического миров – предопределило появление Ирмологиона в белорусско-украинской книжной традиции.

Самоназвание Ирмологиона – «Ирмолой» – происходит от начальных строк канонов – ирмосов, которые представляют собой мелодические образцы для стихов канона и составляют содержание Ирмология. Исследователи отмечают такую черту Ирмологиона, как ориентированность на праздничное богослужение [1; 2; 13]. В отличие от древнерусского Ирмология, в него включались не только ирмосы, но и избранный репертуар, определявшийся богослужебной практикой. Ирмологион приобрел распространенную для певческих рукописей XVI–XVIII веков форму сборника: в одном переплете могли быть объединены различные певческие книги. Наиболее распространенными являлись Ирмологий, Октоих, Обиход, Праздники [2, 133].

По мнению Ю.П. Ясиновского, прообразом Ирмологиона могла быть древнейшая певческая книга Кондакарь [13, 47–48]. Среди всего разнообразия богослужебных книг она наиболее близка Ирмологиону разнообразием представленных в ней жанров. Во второй раздел Кондакаря записывались аллилуарии, троичны, светильны, киноники (причастны), ипокои (респонсорные припевы), катавасии, воскресные тропари, евангельские стихиры, богородичные, подобны, степенные антифоны. Ирмологион стал своего рода антологией церковных песнопений. В нем представлено все жанрово-видовое разнообразие греко-византийского певческого искусства.

Структура и оформление Ирмологиона определялись культурно-историческими условиями и отражали локальную книжно-певческую традицию. Ю.П. Ясиновский выделяет 5 структурных типов певческих рукописей: жанрово-тематический, календарно-тематический, гласовый, греческий и особый [13, 49–50; 11].

Основу песнопений Ирмологиона составили традиционный знаменный, а также киевский, болгарский, сербский, греческий, супраслевский, мирский и ряд других местных и авторских роспевов [2; 3; 4; 5; 6; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

В соответствии с общепринятой в современной музыкальной медиевистике терминологией, под *Ирмологионом* мы будем понимать сборник, объединяющий различные нотированные певческие книги с неустойчивым составом, в которые входили монодийные песнопения всех богослужебных жанров, записанные пятилинейной нотацией, называемой квадратной или киевской.

В Триодный раздел Ирмологионов под заголовком «Ночало Святых Страстей Господа нашего Иисуса Христа» включались песнопения, которые являются ярким свидетельством богословского истолкования христианских догматов музыкально-поэтическим языком. Древнерусская традиция «Страстных» песнопений исследована А.Н. Кручининой [7; 8]. Она установила, что их стабильным элементом является последование 15 антифонов и его соотносительность с чтениями евангелий. Антифоны определены ею как «архетип цикла». Под этим понятием понимается: «1) архетип состава (последование песнопений); 2) архетип музыкальной организации (система гласовой принадлежности песнопений, а также связей частей песнопения друг с другом); 3) архетип интонационный (закономерные соотношения, лежащие в основе распевания литературного текста; состав музыкальных формул, входящих в каждое песнопение архетипа)» [7, 58–59].

Рассмотрим состав песнопений утрени Великой пятницы по белорусским Ирмологионам. Согласно Уставу, чинопоследование образуют тропари, стихиры, троичны, богородичны, прокимен, трипеснец, светилен, стихиры самогласные «на хвалитех», стихиры самогласные «на стиховнах» [9]. Песнопения «Страстей Христовых» изучаются нами по рукописям, хранящимся в библиотеке Академии наук Литвы (8 единиц), в Институте рукописей и старопечатных изданий Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (2 единицы), в Национальной библиотеке Беларуси (4 единицы) – всего 14 Ирмологионов. Время включения песнопений в рукописи охватывает период с конца XVI до первой половины XVIII века (таблица 1).

Таблица 1. Состав песнопений утрени Страстной пятницы по белорусским нотолинейным Ирмологионам из фондов LMAВ, ИР НБУВ, НББ⁷

№	Ирмологион	Песнопения					
		Тропарь «Егда славнии ученицы»	15 антифонов	Блаженны	Трипеснец	Стихиры «на хвалитех»	Троицен и стихиры «на стиховнах»
1	1598–1601 гг. ИР НБУВ ф. I, 5391		+		+	+	
2	1649 г. ИР НБУВ ф. I, 3367		+			+	
3	3 чтв. XVII в. LMAВ F19–117		+			+	
4	2 п. XVII в. F19–122 LMAВ		+			+	
5	XVII в. LMAВ F19–119			+		+	
6	Сер. XVII в. LMAВ F19–121					+	
7	1738 г. LMAВ F19–128				+		
8	1 п. XVIII в. LMAВ F19–127	+					
9	1769 г. LMAВ F22–71	+					
10	3 чтв. XVII века LMAВ F19–118	+				+	
11	2 чтв. XVII в. НББ 091/309		+			фрагмент	
12	1669 г. НББ 091/316		+			фрагмент	
13	3 чтв. XVII века НББ 091/148		+			+	+
14	1610–20 и 50 гг. XVII в. 091/283к НББ		+			+	+

Как видно из таблицы, архетип цикла «Страстных» песнопений – 15 антифонов, записан в 8 Ирмологионах из 14 (№№ 1, 2, 3, 4, 11, 12, 13, 14). В списке Ирмологиона 1598–1601 гг. ИР НБУВ ф. I, 5391 (№ 1) к антифонам добавлен *трипеснец* и *стихиры на «хвалитех»*; списках Ирмологионов 3 чтв. XVII века НББ 091/148 и 1610–20 и 50 гг. XVII в. 091/283к НББ (№№ 13, 14) – *стихиры на «хвалитех»*, *троицен и стихиры на «стиховнах»*; 1649 г. ИР НБУВ ф. I, 3367, 3 чтв. XVII в. LMAВ F19–117, 2 п. XVII в. LMAВ F19–122, 2 чтв. XVII в. НББ 091/309 и 1669 г. НББ 091/316 (№№ 2, 3, 4, 11, 12) – *стихиры «на хвалитех»*.

В остальные рукописи внесены *единичные песнопения*: 3 чтв. XVII века LMAВ F19–118 (№ 10) – *тропарь «Егда славнии ученицы»* и *стихиры на «хвалитех»*; 1 п. XVIII в. LMAВ F19–127 и 1769 г. LMAВ F22–71 (№№ 8, 9) *тропарь «Егда славнии ученицы»*; XVII в. LMAВ F19–119 (№ 5) – *блаженны* и *стихиры на «хвалитех»*; 1738 г. LMAВ F19–128 (№ 7) – *трипеснец*; сер. XVII в. LMAВ F19–121 (№ 6) – *стихиры на «хвалитех»*.

Исследование чинопоследования утрени Великого пятка по 14 Ирмологионам показывает, что обязательную часть полного состава песнопений образуют 15 антифонов. Ни в одной нотолинейной рукописи он не презентуется целиком. С различной степенью полноты в каждом списке представлена своя редакция свода. Самым ранним

⁷ БАНЛ – Библиотека Академии наук Литвы;

ИР НБУВ – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского;

НББ – Национальная библиотека Беларуси.

по времени написания и наиболее полным, является список Ирмологиона 1598–1601 годов ИР НБУВ ф. I, 5391.

1. Бражников, М.В. Русская певческая палеография / М.В. Бражников / под ред. Н.С. Серединой. – РИИИ; СПбГК, 2002. – 296 с.
2. Вознесенский И.И. Церковное пение православной Юго-Западной Руси по нотно-линейным ирмологам XVII и XVIII веков. / И.И. Вознесенский. Вып. 2. – Москва, 1898.
3. Конотоп, А. Херувимская песня царигородского распева XVI века / А. Конотоп // Музык. акад. – 2003. – № 1. – С. 118–122.
4. Герасимова, И. Стихира-осмогласник Успению «Богоначальным мановением» в древнерусской и литовско-русской традициях знаменного распева. // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 3. По материалам научной конференции «Бражниковские чтения-2005». – СПб, 2008. – С. 57–79.
5. Корний Л.Ф. Болгарский распев в певческой практике Украины XVI – XVII веков (к проблеме болгаро-украинских музыкальных связей). Автореф. дис. ... канд. Искусствоведения. – Киев, 1980.
6. Корній, Л. Православна монодія білоруської та української монастирських традицій XVII ст. : на матеріалі нотолінійн. ірмологів з Жировиц. та Межигір. монастирів / Л. Корній // Дьяспара. Культуралогія. Гісторыя : матэрыялы IV Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларус. культура ў кантэксце культур еўрап. краін», Мінск, 6–9 чэрв. 2005 г. / пад рэд. А. Мальдзіса, А. Смаленчука. – Мінск, 2006. – С. 108–113. – (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 28).
7. Кручинина, А.Н. К проблеме текстологического изучения древнерусского монодийного цикла. – Л., 1983. – С. 47–78.
8. Кручинина, А.Н. О композиционных закономерностях древнерусского чинопоследования / А.Н. Кручинина // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Поэтика древнерусского певческого искусства : сб. науч. тр. / Рос. нац. Б-ка ; сост. и науч. ред.: А.Н. Кручинина, Н.В. Рамазанова. – СПб., 1992. – С. 11–40.
9. [Триодь Цветная, начало XVII века] // Институт рукопису Національної бібліотеки України (Київ). – Кир, 722.
10. Шевчук Е.Ю. Киевский напев в контексте церковно-монодийского пения Украины и Белоруссии XVII – XVIII ст. (источники, жанры, черты стилистики). Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Пер. Киев, 1999.
11. Шевчук Е.Ю. Болгарский распев // Православная энциклопедия. Т.5. – С. 643–646.
12. Шевчук Е.Ю. Сербский напев в контексте южнославянского влияния. // Музыкальное искусство христианского мира. Вып. 2 (3). – Москва, 2008. – С. 23–54.
13. Ясіновський, Ю. Український нотолінійний Ирмолог як тип гімнографічного збірника: зміст, структура // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка Т. ССXXVI. / Праці музикознавчої комісії. – Львів, 1993.
14. Ясіновський, Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ирмологі XVI–XVIII століть : кат. і кодик.-палеограф. дослід. / Ю. Ясіновський. Львів : Місіонер, 1996. – 622 с.
15. Ясиновский, Ю. Репертуар греческого напева в украинских певческих сборниках / Ю. Ясиновский // Гимнология : материалы междунар. науч. конф., Москва, 2000 г. : в 2 кн. / Науч. центр рус. Церков. музыки им. протоиерея Димитрия Разумовского. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 243–253. – С. 356.

Бароўка В.Ю.

ЛІТАРАТУРНЫ ТВОР І ГІСТАРЫЧНАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ

Мастацкі твор – форма адлюстравання гістарычных рэалій, адна з крыніц гісторыі як навукі. Вядомы літаратуразнаўца В.Я. Халізеў слушна заўважыў, што «побач з універсальямі сусветнага прыроднага і чалавечага быцця (і ў непарыўнай сувязі з імі) мастацтва і літаратура нязменна адлюстроўваюць культурна-гістарычныя рэаліі ў іх шматпланавасці і багацці. <...> Літаратурай спасцігаюцца рысы плямён, народаў, нацый, рэлігійных канфесій, асаблівасці дзяржаўных утварэнняў і вялікіх геаграфічных рэгіёнаў, што валодаюць культурна-гістарычнай спецыфікай (Заходняя і Усходняя Еўропа, Блізкі і Далёкі Усход, Лацінаамерыканскі свет і г.д.). Уласцівы такім агульнасцям тып свядомасці (менталітэт), укаранёныя ў іх (у жыцці як народа ў цэлым, так і ў “адукаванага пласта”) культурныя традыцыі, формы камунікацыі, бытавы ўклад з яго звычаямі нязменна адгукаюцца ў плёне мастацкай дзейнасці» [1, с. 52].

Творы прыгожага пісьменства з’яўляюцца надзвычай карыснай, але адметнай крыніцай уласнагістарычнай і народазнаўчай інфармацыі. Багаты крыніцазнаўчы для гісторыка матэрыял можа прысутнічаць і ў драматычных, і ў лірычных, і ў эпічных творах. Дастаткова шырокімі пазнавальнымі магчымасцямі валодае проза, бо поўная свабода праяваў твора ў арганізацыі мастацкага часу і прасторы, выяўленні аўтарскай свядомасці, думак і перажыванняў персанажаў, гнуткая разнастайнасць спосабаў апавядання, багацце вобразна-выяўленчых сродкаў, адсутнасць жорсткай рэгламентацыі ў іх ужыванні забяспечваюць прозе неабмежаваныя магчымасці ў рэалізацыі інфарматыўна-пазнавальнай і эўрыстычнай функцыі літаратуры. У сярэдзіне XIX ста-